

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>
Название: Три тайны Дарьи Михайловны

Отрывок из романа «Первая женщина»

***

Дарья Михайловна, начальник отдела кадров, вышла из кабинета и, пройдя по коридору, зашла в женский туалет. Под форточкой, у окна, покрашенного белой краской, курили две девушки.

— Галя, Вера, я ведь просила, не курить в туалете, — и, поперхнувшись, закашляла.

Загасив окурок о подоконник, Галя распахнула окно.

— Ну что ты делаешь, закрый, я не хочу, чтобы за мной подглядывали.

Окно женского туалета выходило на территорию института.

Галя закрыла окно и девушки вышли.

Закрывшись в кабинке, и, достав из кармашка юбки бумажную салфетку, задрала подол и стянула трусы. Раздвинула ноги и, наклонившись над унитазом, и упираясь локтями в колени приподняла попу. Нет — жопу: крупная была женщина. Шумно лилась моча, вспенивая воду. Напрягая живот, и втягивая сфинктер, хотела выпустить газы без звука, но не сдержалась. Подтёрлась салфеткой и, вытерев ею руки, оправила юбку, оглаживая бёдра. Поправляя причёску перед зеркалом, сунула руку под мышку и, передёрнув плечом, поправила лифчик. Не вымыв рук, вышла из туалета.

...

Три тайны Дарьи Михайловны

Дрочила хуй, слюной залупу

Измазав, сунула в пизду.

Он затыкал ей пальцем жопу,

И щупал влажную манду.

И, позабыв про стыд и горе,

Она еблась, серел рассвет;

Гандон болтался на заборе,

И в окнах, с видами на море,

Не отражался лунный свет.

Дарья Михайловна была крупная женщина. Крупная, во всех смыслах этого слова. Рост 185 см, широкие, необхватные бёдра и, круто выпирающие назад, булки ягодич. Бюст 7-го размера; аэродром, говорил Альберт, её покойный муж, когда, лёжа на ней и щекоча волосатой грудью соски, швыркал влагалище своим длинным и толстым хуем.

С мужем она прожила 13 лет.

Семейная жизнь, это её первая тайна, тщательно, от всех, скрываемая.

Альберт работал водителем «скорой». И пил, пил, пил. В сексе она не была удовлетворена. Он быстро кончал, а излив сперму, отваливался и засыпал, не успев отвернуться к стене.

Поначалу она страдала из-за этого, а потом приспособилась. Когда он засыпал, ласкала пальцем клитор, ещё не остывший от возбуждения и, тяжело дыша, закусывала губу, чтобы не разбудить мужа стонами.

Четыре раза она лежала в гинекологии. Три раза с кровотечением, а в последний раз, с кровотечением и разрывом заднего свода шейки матки. Четыре раза он насиловал её, с

грубой, звериной жестокостью, засаживая свой член по самые яйца. Пьяный, с налитыми кровью глазами, зажимая рот рукой; она кричала от боли, когда он насиловал её первый раз. В четвёртый раз она потеряла сознание от болевого шока. Увидев кровь, он пришёл в себя и вызвал скорую.

Член профкома, член партии, она быстро продвигалась по карьерной лестнице.

Выписавшись из клиники, пришла к парторгу и сказала, что будет разводиться.

— Ну, что сказать, разводишься. Но, по партийной линии, продвижения уже не будет.

Она подала заявление на развод.

Альберт умер через семь месяцев, от цирроза печени.

С квартиры она съехала и жила в общежитии. После похорон, свекровь, жившая отдельно, с младшим сыном, инвалидом с диагнозом ДЦБ, предложила сделать обмен и жить вместе.

Нину Марковну, она называла мамой, и после развода. А свекровь относилась к Дарье, как дочери. Может быть ещё и поэтому, она так долго не могла решиться на развод.

Свекровь не перенесла горя, заболела и через два месяца умерла.

Дарья Михайловна осталась в двухкомнатной квартире с инвалидом. Она не смогла нарушить обещание, данное свекрови: не отдавать Вениамина в дом инвалидов.

Вениамин был безобидный, тихий. Особого ухода ему не требовалось. Только в ванне он не мог помыться сам, завязать шнурки на ботинках, да натянуть майку (или дашку). И говорил; заикаясь и растягивая слова.

Утром пятого дня после похорон свекрови, Дарья обувалась в прихожей. Вениамин стоял в проёме комнатной двери, прислонившись к косяку. Он с первого дня вот так провожал её на работу и так же встречал.

Открывая дверь, она сморщилась и повела носом. Острый запах пота исходил от Вениамина.

— Вечером будешь мыться. Пока.

— Дддоооосвидаааания Дддаааша.

Вечером, набрав в ванну воды и взбив шампунь до пены, позвала: — Вениамин.

Он уже шёл, с полотенцем.

— Что ж ты не разделся?

Она с улыбкой смотрела на него сверху вниз.

Альберт был выше Дарьи, а Вениамин, видимо из-за болезни, сухощавый и низкорослый.

У него покраснели мочки ушей.

— Я, что, голого мужчину не видела? Раздевайся. Подожди, дай я сама.

Расстегнула и сняла с него рубашку, присела и..

Перед её носом, оттопыривая штаны, выпирал член. Дрожащими руками потянула с него штаны, но они не снимались, зацепившись резинкой за головку. Заколотилось сердце и в сводах появилась тянущая истомой боль. Она пальцами подцепила резинку штанов, оттянула и дёрнула вниз.

Длинный и толстый хуй, упруго качнувшись, напряжённо замер.

«Как у Альберта», — она смотрела, словно замороженная.

Дарья мыла его, а член упрямо высовывался из пены, приковывая её взгляд.

Обтирая его, через полотенце дотронулась до члена..

Дарья выпрямилась и легонько подтолкнула Вениамина в плечо.

— В мою — когда, он, свернул в свою комнату.

— Ложись.

Вениамин сел, а потом лёг на кровать.

Она разделась, легла рядом и потянула его на себя. Голова Вениамина лежала на её груди, а он, мыча и дёргаясь, тыкался, не попадая во влагалище и, наконец, свалился с неё. Тогда она поставила его на колени, и сама встала перед ним, подставив жопу, и уткнувшись головой в подушку, раздвинула руками ягодицы. Он мычал, тыркался по ляжкам, больно впиваясь костлявыми пальцами в кожу на спине. Она водила жопой из стороны в сторону и сверху вниз, пытаясь поймать торчащий член и насадиться. Опять не получилось.

Она легла на него, зажав член между ног. Вениамин, придавленный титьками, стал задыхаться.

Дарья встала и постелила на полу.

— Иди, сюда ложись.

Расставив ноги, встала над ним. Приседая, левой держала член, а правой раздвинула губы. Член погружался во влагалище. Когда появилась боль, она поняла, что поза выбрана неправильно. Проникновение было глубоким, и она не могла его контролировать. Медленно, снялась с хуя, и встала на колени.

Снова держа левой рукой член, а правой раздвинув губы, натянулась на хуй, прикоснулась к клитору средним пальцем. По лобку побежали мурашки. Но ласкать клитор одной рукой, другой, ограничивая глубину погружения члена, было неудобно, она быстро устала. От напряжения заболели ноги. Тогда она оперлась правой рукой о его колено и, совершая фрикции влагалищем, левой ласкала клитор. От низа живота к груди пошли волны наслаждения. Не сдерживая стонов, она стала двигаться резче, насаживаясь глубже. На пике чувственного наслаждения, потеряв контроль, погрузила в себя почти весь член, и в это мгновение Вениамин задёргался, изливая сперму. От острой боли едва не лишилась сознания. Два дня влагалище кровоточило, как при месячных; ещё семь дней из него сочилась сукровица. Но, всё обошлось.

Через два дня пошла к гинекологу.

Лёжа на кресле, ждала с напряжением окончания осмотра.

Заметив её волнение, врач сказала: — расслабьтесь.

— Стенки розовые... швы рассосались... матка увеличена, на две... три недели. Вы замужем?

— Нет.

— Вы живёте половой жизнью?

—... да.

— Когда последний раз были месячные?

Дарья испугалась: «совсем вылетело из головы, ведь я могу забеременеть».

— У вас задержка?

...

— Вы, почему молчите?

— Матка у меня всегда немного увеличена, а месячные должны прийти через неделю.

— Вставайте, одевайтесь.

Дарья слезла с кресла.

Гинеколог, повернувшись к столу, стала заполнять карточку.

***

Выйдя из поликлиники, зашла в аптеку и купила презервативы.

Вечером подмыла Вениамина и, вытащив из ванны, и обтерев полотенцем, сказала: — иди в

спальню, ложись.

Подмылась и, достав из сумочки презервативы, зашла в комнату. Вениамин лежал, закатив глаза и, скалился в улыбке, обнажая жёлтые зубы. Улыбка напоминала, что, он, всё-таки больной. Она поморщилась, но, взглянув на торчащий хуй, улыбнулась и, присев на колени, оттянула его от живота и отпустила. Член, упруго качнувшись, шлёпнул по животу и замер. Вскрыла упаковку и, достав презерватив, стала натягивать на хуй. Вениамин открыл глаза и, потянувшись, дотронулся до соска. Было противно, но она стерпела.

«Странно» — думала она, лаская рукой хуй, и перебирая пальцами яички — «неужели можно полюбить часть человека, его орган, доставляющий наслаждение, и не любить самого человека.

Ведь это его хуй». Она сжимала хуй, поражаясь его твёрдости: «как палка, как камень» — чувствуя, как под ладонью начинает пульсировать кровь.

Дарья взглянула на Вениамина; глаза закатились, мычит, полудебильная улыбка, из носа вытекла сопля, высохшая рука поджата к груди..

Она перевела взгляд на хуй Вениамина: «мой хороший, мой сладкий, мой родной, мой миленький, мой красивый, я обожаю, я люблю тебя, я не могу без тебя».

Дарья смутилась, мысли спутались. У неё запылали уши, она вспомнила, что в последние дни стала нетерпеливой и раздражительной, грубо обрывая Вениамина, когда, пытаясь сказать что-то, он начинал мычать и заикаться.

— Иди к себе, — бросала она как собаке.

А через час, тащила его в свою комнату.

Толстый латекс презерватива был обработан тальком. Дарья взяла с тумбочки силиконовый крем для рук и, выдавив на руку, обхватила хуй и сделала несколько движений от головки к корню, чувствуя, как играет очко и сокращается влагалище. Присев на коленях, направила головку во влагалище. Вениамин дёрнулся и, скользнув по промежности, хуй упёрся в анус. По лобку побежали мурашки. Она стала водить головкой, касаясь промежности, и сразу же застонала от удовольствия.

Откинувшись, лежала, разбросав ноги и, придавив, всё ещё возбуждённый, член. Встав на колени, стянула презерватив и дрочила, пока из уретры не брызнула сперма, заляпав груди и живот.

Сходив в ванну, принесла влажное полотенце и, обтерев обмякший и опавший хуй, яйца и живот Вениамина, пошла под душ.

«Странно», — думала она, лаская пальцами промежность — «почему я не испытала этого раньше? Неужели нужно было пройти через насилие, развод и смерть мужа, чтобы теперь наслаждаться».

Горьким было откровение.

***

Утром, сходя в туалет и, сполоснув руки и лицо, зашла на кухню. Включила электрочайник и достала из холодильника масло и сыр. Вениамин, шаркая тапками, подошёл к туалету и замычал: — ддддоооооброе утттттро Ддддааша.

Она делала бутерброды и кивнула головой. Он открыл дверь в туалет.

— Постой, — и подошла к нему. Он был в майке и трико. Хуй стоял, оттопыривая мотню.

У Дарьи мурашки побежали по рукам и она, стянув с него трико, встала на колени и поцеловала головку. Спазмы задёргали влагалище, она встала и, закрыв дверь туалета и,

сжимая хуй левой рукой, повела его в спальню.

— Ложись, — и, сбросив халат, опустилась на колени. «Обойдусь без презерватива», подумала она.

Он лежал, а Дарья, встав на коленях над ним, жопой к его лицу, сосала и облизывала головку, пуская слюну. Вениамин, левой, здоровой рукой гладил её жопу. Она удивилась, прикосновения не раздражали и даже доставляли удовольствие. Его палец, скользнул по ложбинке ягодиц и, ткнувшись в анус, замер. И опять, Дарья удивилась, что не испытывает раздражения. Он убрал палец и снова стал гладить ягодицы. Дарья взяла его руку и, подтянув к анусу, прижала. Вениамин подставил палец к анусу, а Дарья, держа его руку, стала вдавливать палец. Палец вошёл в жопу, по телу прошла судорога, она застонала. Вениамин вытащил палец и, облизав его, снова засунул в жопу. Она сосала хуй и дробила его двумя руками, а он тыкал пальцем в жопу. Дарья выпрямилась и, привстав, подвинулась вперёд. Придерживая хуй, стала медленно опускаться, пока головка не упёрлась в анус.

Приподнимаясь и опускаясь, каждый раз чуть ниже, двигалась, пока головка, преодолев сопротивление сфинктера, не вошла в жопу. Опираясь руками о пол, стала медленно натягиваться жопой на хуй. Ощущение было непривычное, но сладостное. Головка во что-то упёрлась и она, медленно приподнимаясь, и сдавливая хуй сфинктром, испытала сладострастное наслаждение, выдавливая его из себя. Хуй вышел из жопы, Дарья застонала и, направив его рукой, снова засунула. Хуй снова упёрся и она, выпрямившись, стала медленно оседать. Хуй пошёл глубже и снова упёрся. На груди у Дарьи пошли красные пятна, и она медленно, как говно, выдавливая из себя хуй, захрипела. Задёргался Вениамин, изливая сперму, и Дарья, хватая ртом воздух, захлебнулась от наслаждения.

Она лежала на полу, с закрытыми глазами, и таяла от блаженства. О том, что нужно идти на работу, Дарья забыла.

*** Через семь минут она открыла глаза. Вытянув руки за голову и, сцепив в замок, сладко потянулась, выгибаясь и поворачиваясь на бок. Вениамина не было. «Наверное, в туалете». Фантомное ощущение хуя в прямой кишке не прошло и, прислушавшись к своему состоянию, она тихо засмеялась; даже это доставляло удовольствие. «Господи, я схожу с ума. Я извращенка»

Напрягая диафрагму, пукнула, но вместо характерного звука выпускаемых газов, булькнуло и захлюпало между ягодицами. «Этого ещё не хватало, обосралась что ли?» Она села, чуть сдвинувшись назад. На покрывале расплывалось пятно слизи, с жирно блестящими сгустками спермы и вкраплениями каловых масс. Дарья соскочила и, выдвинув из комода средний ящик, взяла из стопки подгузник и, наклонившись к одеялу, стёрла пятно.

Детские подгузники она использовала как подкладки во время месячных. Она стала ими пользоваться лишь полгода назад. До этого делала подкладки из марли и ваты, но они скатывались, и на трусах оставались пятна. Потом стала делать из х/б пелёнок, сворачивая в несколько слоёв, но и они пропускали кровь, когда месячные были обильными.

Как-то на работе, сидя над унитазом, увидела в урне окровавленный и смятый подгузник и сразу догадалась, как его использовали. После этого и сама стала покупать себе подгузники. Достав ещё два, одним, раздвинув ноги и присев, вытерла промежность, а другим прикрыла пятно и придавила рукой: «до вечера полежит, приду с работы, стираю». Её обожгло: «господи, на работу же», и она побежала в ванну, чуть не сбив Вениамина, вышедшего из туалета. Краем глаза увидела, что мотня трико в пятнах: «тоже постирать» — и зашла в ванну.

***

Из квартиры выскочила, отмахнувшись от мычащего — дддооосвиддааа — Вениамина.

Уже в автобусе вспомнила, что не выключила чайник и всю дорогу терзалась, «а вдруг Вениамин не выключит». С опозданием в полчаса зашла в кабинет и сразу к телефону.

— Алло — короткие и, начинающиеся с гласных, слова, Вениамин выговаривал не заикаясь.

— Чайник выключи.

— Я ввввыыыкккк...

Дарья опустила трубку.

На два часа у Шмакова было назначено совещание с начальниками лабораторий и отделений по графику работы в предновогодние дни и в первую неделю нового года.

В 13—55 Дарья вышла из своего кабинета и, пройдя по коридору, зашла в кабинет Шмакова. Все стулья за столом и у стен были заняты. Шмаков указал на стул возле сейфа и Дарья села.

Глянув на часы, Герман Степанович встал, и гул голосов пошёл на убыль. Заверещал красный телефон. Шмаков поднёс к уху трубку.

— Включи радио — коротко бросил директор, и отключился.

Шмаков шагнул к сейфу и подкрутил лимб на громкоговорителе.

—... ного приступа скончался председатель президиума Верховного Совета, генеральный секретарь коммунистической партии Советского Союза: Леонид Ильич Брежнев.

В помещении зависла гробовая тишина.

Когда заиграла траурная музыка, все встали.

Через две минуты, Шмаков убавил громкость и снова заверещал телефон.

— Герман Степанович — звонила секретарь парторга — в 14—40 общее партийное собрание в красном уголке. Передайте всем.

— Совещание отменяется. На 14—40 назначено общее партийное собрание. Передайте своим, и отпустил людей.

***

В красном уголке института шло общее партийное собрание. Выступал парторг.

Дарья Михайловна сидела в пятом ряду в кресле у прохода. Она изо всех сил пыталась вслушаться в речь парторга, но, жгущее нутро желание, полностью подчинило её себе.

В 14—30, переобувшись в сапоги и надев плащ, она подошла к зеркалу. Внизу живота забурчало и газы, выпирая и пуча диафрагму пошли на выход. Забыв, что с нею приключилось утром, она медленно и беззвучно выпустила их. Помахав рукой перед носом и вокруг себя, выключила свет, шагнула к двери и замерла. Трусы вдруг прилипли к ягодицам, размазывая слизь по ляжкам.

«Опять, что-ли?».

Раздеваться и идти в туалет, было уже поздно и, она, закрывшись изнутри, сняла плащ и бросила его на стол. Достала из ящика стола бумажную салфетку и, задрав подол юбки и, прижав подбородком, раздвинула ноги и потянула трусы вниз, выворачивая их. Жёлтое с характерным аммиачным запахом пятно и слизь. Она сунула руку в промежность и провела салфеткой, вытирая жопу. Салфетка промокла, а на ладони осталась слизь. Она взяла ещё одну, но и её не хватило. Подтеревшись третьей, ещё двумя салфетками промокнула трусы и ещё две подложила. Бросив салфетки в урну и, схватив плащ, вышла из кабинета.

Пришла в 14—45, но зал ещё гудел как рой пчёл над улеем. Увидев свободное место, подошла и, сняв плащ, села.

Вспомнив, что произошло в кабинете, смутилась, и осторожно потянула носом воздух. Запаха не было. А сознание, шаг за шагом прокручивая плёнку событий дня и, связывая в цепь, вернулось в спальню. Она почти физически ощутила, погружившийся в жопу хуй и..

Её теребили за плечо. Увидев, что все стоят, Дарья встала и, подумав, что собрание закончилось, пошла по проходу. В тишине звонко цокали по мраморной стяжке пола стальные подбойки на каблуках.

Только закрыв дверь и, оказавшись в коридоре, она увидела, что никто не выходит. Хотела вернуться, но передумала и пошла к себе.

Минут через 12 заглянул Герман и спросил: — что случилось?

— Месячные — глядя прямо в глаза, ответила она.

Он смутился и закрыл дверь.

***

И, действительно, вечером пришли месячные. На пять дней раньше.

Придя с работы и, переодевшись, сразу пошла в ванну и помылась под душем.

Закрутив полотенцем голову и накинув халат, зашла к Вениамину. Он читал «Даурию».

Книги она приносила ему из библиотеки. Выбирала, то, что ей самой казалось интересным.

— Брежнев умер.

Он закивал головой.

— По радио услышал?

Он опять кивнул.

Вспомнив, что хотела постирать трико, сказала: — давай трико, постираю. Он отложил книгу и стал снимать трико. Она пошла к себе и сняла покрывало. Пятно подсохло, но желтизна осталась. Снова зайдя к нему, он сидел в трусах, забрала трико.

Вениамин чувствовал, что Дарья сдерживается. Он понимал, что неприятен ей, и в то же время видел, как она менялась, когда смотрела и ласкала его член. Дожив, до сорока лет, он не имел ни одного контакта с женщиной. Секс с Дарьей для него был из области фантазий и, мастурбируя, он иногда представлял её. Но, когда фантазия стала реальностью, он вдруг понял, что даже такая женщина, может быть рабой: рабой своей похоти. И пусть думает в себе, что это она пользуется членом. Вениамин знал: хуем использует Дарью он.

Замочив покрывало и трико и, размотав с головы полотенце, пошла на кухню. Разогрела ужин и позвала Вениамина. Но он не шёл. Она крикнула: — Вениамин, ужинать, — и, не услышав шарканья и, начиная злиться, пошла сама.

Вениамин сидел с книгой.

— Что, особое приглашение?

Она стояла над ним.

Он отложил книгу и, опираясь о спинку кровати, встал. Покрывало сползло с его ног, и хуй упёрся в Дарью. От похотливого желания, сделать это прямо сейчас, зачесалась пизда, и появился зуд в заднем проходе. Забыв, зачем пришла, взяла его за плечо и повела в ванну подмывать.

Подставив ему жопу, сама облизывала хуй, обильно смазывая слюной. Дарья уже убедилась, что слюна самая эффективная смазка. Дарьяна жопа была так близко, что он мог лизать анус. Тёмный кружок ануса, словно дыша, то сжимался, то расширялся. Он высунул язык и стал лизать ложбинку и анус, пытаясь засунуть язык. И когда получилось, Дарья замерла. А потом, обхватив ягодицы, развела их и опустила жопу на его лицо. Она елозилась жопой по его носу,

Галя и Вера смотрели, встревоженные видом Дарьи Михайловны. Обычно, застав Галю возле Веры, она шлёпала её по попе и говорила — иди, работай.

Таня подняла глаза и улыбнулась: — я заканчиваю, Дарья Михайловна?

Дотронувшись до её плеча — нет Таня, я не по документам.

«Как я скажу? Что я скажу?»

Улыбка сошла с лица Татьяны, она увидела испуг в глазах Дарьи.

— Что-то случилось, Дарья Михайловна?

— Нет, Танюша, нет. Работай. И она вышла из отдела кадров.

Девушки, переглянулись.

— Странная она какая-то в последнее время — задумчиво сказала Вера.

Вечером они ужинали с Вениамином. Вениамин, почувствовал; что-то случилось. Когда Дарья вошла, от неё исходил страх. Каким-то образом он осознал, что страх Дарьи связан с тем местом, где она работает. Но он не ощущал угрозы, ни для себя, ни для неё и, успокоился.

Пужинав, не убирая посуду, Дарья ушла к себе и легла не раздеваясь. И сразу же уснула.

Проснувшись ночью, разделась и, укрывшись одеялом, заснула до утра.

В семь часов запыкал будильник. Дарья села. Зашумела вода в туалете. Бросив на пол одеяло, Дарья встала и, выйдя из комнаты, позвала Вениамина. Он не шёл, и она подошла к туалету.

Из туалета шёл запах и, поморщившись, спросила: — ты скоро? Снова зашумела вода, брякнула защёлка. Он стоял, подтягивая трусы. Посторонившись, чтобы он вышел, зашла сама.

— Стой здесь — и, потянувшись, сдёрнула с него трусы. Задрав ночнушку, села на унитаз. Писала и смотрела, как встаёт хуй. Дарья пукнула, не сдерживаясь, а потом натужилась и стала какать. Не подтирая жопу, вышла из туалета.

— Смой.

Когда он смыл и вышел, завела его в ванну и помыла хуй.

— Идём.

Вениамин лежал, она, раздвинув ноги, садилась на него. Опустившись жопой на его лицо, сказала: — лижи — и, склонившись к хую, стала сосать и драть его.

Он вылизывал её жопу, пуская слюну. Из жопы воняло, но Вениамина это только возбуждало. Вдруг, Дарья прижалась к его носу и, приподняв кобчик, выпустила газы. У него защипало глаза и запершило в носу, голова кружилась.

Привстав, Дарья натянулась и, оседая, погрузила хуй в себя. Когда он упёрся в стенку на изгибе прямой кишки, задержалась, а потом стала совершать фрикции. Еблась с наслаждением, постанывая и, когда он задёргался, изливая сперму, выгнулась, выдавливая из себя хуй. Когда хуй выскользнул, пошли газы, распространяя вонь, и потекла сперма. Дарья повернулась и осмотрела хуй: коричневые бороздки кала и сгустки спермы. Она смотрела плотоядно улыбаясь: «Я извращенка, извращенка, извращенка» и сжимала его рукой, уже опавший и мягкий.

Прошло две недели. Три дня она находилась под впечатлением видения, но потом, связав это со своим поведением (извращенка) понемногу успокоилась.

1 декабря ехала утром в автобусе на работу. День был пасмурный и шёл снег. Дарья задумалась, вспоминая, что было вчера вечером. Она уже не краснела, вспоминая об этом, и не называла себя извращенкой; секс, приносящий наслаждение, становился нормой.

Раздевшись и переобувшись в кабинете, позвонила в отдел кадров. Взяла Вера: — Вера, Таня

пусть зайдёт.

— А Таня ещё не пришла.

Дарья уронила трубку и схватилась за сердце.

Через полминуты открылась дверь, и Вера заглянула в кабинет.

— Дарья Михайловна, что с вами — закричала она и подбежала к ней. Следом за Верой в кабинет заскочила Галя.

Дарья, побелевшая как стена, сидела, вперившись взглядом в пространство. Наконец, очнувшись, выдавила из себя — позвоните мужу.

Девушки переглянулись.

— Таниному... мужу, звоните... скорее.

Галя побежала в кадры и, найдя карточку Михаила, Таниного мужа, позвонила в лабораторию табельщице.

— Он сегодня в отгуле.

— Звони домой. Звони с моего.

Галя позвонила и через полминуты положила трубку.

— Говорит, на работу уехала.

Дарье стало плохо, она задыхалась. Вера побежала в отдел и, выхватив из аптечки нашатырный спирт, открыла и опрокинула на ватный тампон. Вернувшись в кабинет, поводила у Дарьи под носом.

Дарья откинулась на спинку кресла и пришла в себя.

В отделе кадров звонил телефон. Галя вышла и прошла в отдел.

Через две минуты она вошла в кабинет.

— На остановке... на нашей остановке... грузовик... сбил... женщину... у неё в сумочке был пропуск... это Таня, — и Галя заплакала.

***

Таню похоронили через два дня. Дарья не смогла рассказать Михаилу, мужу Тани, о своём видении.

Придя домой, достала из холодильника водку и, налив стакан, выпила. Сидела и ждала, когда подействует, но ничего не происходило. Хотелось выть и она, мотая головой и, скрипя зубами, застонала. Кто-то тронул её за плечо.

Вениамин.

— Отойди — зарычала она и толкнула его. Вениамин, чуть не упав, ушёл.

Она налила ещё стакан и выпила. Потекли слёзы, и тоска, сидевшая внутри, стала отпускать. Почувствовав голод, встала и, шатнувшись, открыла холодильник. Достала колбасу и ела, откусывая от палки. Перед глазами всё двоилось. Она рыгнула и засмеялась. Выпив воды под краном пошла из кухни, цепляясь за стены.

— Вениамин, Ве... ни... а... мин!

Цепляясь за косяки и вихляясь на подкашивающихся ногах, смотрела на него.

— Вениамин, пошли е бац ца, — и захохотала.

Отцепившись от косяков, опустилась на колени и на четвереньках направилась в спальню. Вениамин шел следом, шаркая и кособочась.

— Ложись, — она сидела на полу.

Он лёг.

Цепляя трико и стягивая: — ччё ты ввыёбываешься, а?

Стянув трико до колен, взяла, лежащий между ног, хуй.

— А ччѐ он не встаѐт, а? — и стала дѐргать его.

Вениамин почувствовал, как похоть поднимает свою голову. Кровь запульсировала в висках и хуй, шевельнувшись и, оторвавшись от ноги, стал удлиняться и набухать.

Дарья захохотала и, наклонившись, поймала его ртом и, засосав головку, прижала язык к уздечке. Из раззявленного рта текли слюни. Оторвавшись от хуя, встала на четвереньки и попробовала залезть на Вениамина, но не смогла. Двинувшись на четвереньках к стене, позвала: — иди, садись.

Вениамин сел и, не вставая, сдвинулся к стене и прижался спиной.

Дарья, развернувшись и, раздвинув ноги, стала пятиться назад. Он придерживал хуй.

Наткнувшись пиздой, мотнула головой: — неее, в жопу!

Хуй упѐрся в анус и Дарья, двинув жопой, почувствовала, что он вошѐл в неё. Она сопела, ругалась и дѐргалась. А когда задѐргался и Вениамин, застонала.

Она спала на полу, разбросав руки. Вениамин сидел и щупал её, погружая пальцы в липкое влагалище. Хуй всё ещё стоял. Вытащив пальцы из пизды, просунул между ягодицами и погрузил их в месиво слизи. Потом водил пальцами по её груди и губам, размазывая слизь. Вениамин улыбался, высунув язык. Из рта текли слюни.

Она проснулась. Под головой подушка, а одеяло подоткнуто с боков. Лицо, губы и кожа на груди были словно стянуты чем-то. Она провела пальцами по лицу и губам, ощущая шершавые коросты. Подцепив ногтѐм плѐнку, подняла руку. Желтовато-мутная плѐночка мялась в пальцах, но не размазывалась, а раскатывалась на шершавые комочки, липнущие к коже.

Дарья села.

«Почему я на полу?»

Она вспомнила похороны, вспомнила, как сидела за столом, как пила водку... и всё; больше она не помнила ничего. Хотела встать и сморщилась от боли в паху. Сунув руку, щупала волосы на лобке. Скомканные и слипшиеся они ещё и прилипли к коже и губам и, отдирались очень болезненно.

«Неужели я вчера ещё и... ? Ничего не помню»

Она поднялась с пола и пошла в ванну.

Оставим на время Дарью Михайловну и вернѐмся к Славке